

УДК 821.131.1-34-053.2
ББК 84(4Ита)-44
Р60

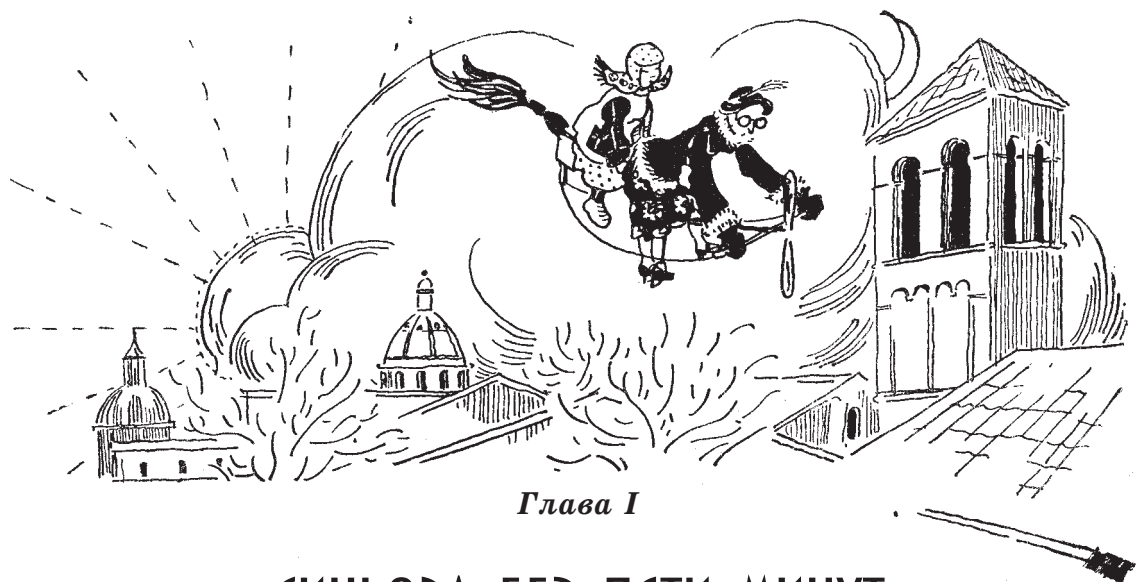
Родари, Джанни.

Р60 Путешествие Голубой Стрелы / Джанни Родари ; [пер. с ит. Ю. Ермаченко] ; ил. Н. Антокольской. – Москва : Эксмо, 2016. – 160 с. : ил. – (Золотое наследие).

УДК 821.131.1-34-053.2
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-699-75188-4

Gianni Rodari
La freccia azzurra
© 1980, Maria Ferretti Rodari and Paola Rodari, Italy
© 2008, Edizioni EL S.r.l., Trieste, Italy
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава I

СИНЬОРА БЕЗ ПЯТИ МИНУТ БАРОНЕССА

Фея была старая синьора, очень благовоспитанная и благородная, почти баронесса.

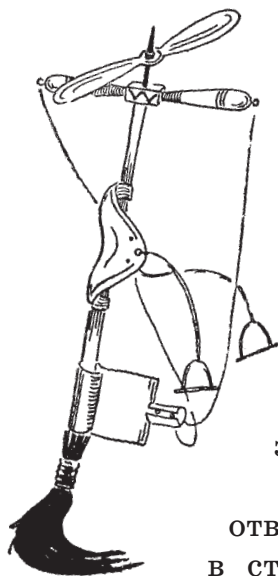
— Меня называют, — бормотала она иногда про себя, — просто Фея, и я не протестую: ведь нужно иметь снисхождение к невеждам. Но я почти баронесса; порядочные люди это знают.

— Да, синьора баронесса, — поддакивала служанка.

— Я не стопроцентная баронесса, но до неё мне не хватает не так уж много. И разница почти незаметна. Не так ли?

— Незаметна, синьора баронесса. И порядочные люди не замечают её...

Было как раз первое утро нового года. Всю ночь напролёт Фея и её служанка путешествовали по крышам домов, разнося подарки. Их платья были покрыты снегом и сосульками.

— Затопи печку, — сказала Фея, — нужно просушить одежду. И поставь на место метлу: теперь целый год можно не думать о полётах с крыши на крышу, да ещё при таком северном ветре.

Служанка поставила метлу на место, ворча:

— Хорошенькое дельце — летать на метле! Это в наше-то время, когда изобрели самолёты! Я уже простудилась из-за этого.

— Приготовь мне бокальчик цветочного отвара, — приказала Фея, надев очки и садясь в старое кожаное кресло, стоявшее перед письменным столом.

— Сию минутку, баронесса, — сказала служанка.

Фея одобрительно посмотрела на неё.

«Она немножко ленива, — подумала Фея, — но знает правила хорошего тона и умеет держать себя с синьорой моего круга. Я пообещаю ей увеличить заработную плату. На самом-то деле я ей, конечно, не увеличу, и так денег не хватает».

Нужно сказать, что Фея при всём своём благородстве была довольно скуповата. Два раза в год обещала она старой служанке увеличить заработную плату, но ограничивалась одними обещаниями. Служанке давно уже надоело слушать только слова, ей хотелось услышать звон монет. Как-то раз у неё даже хватило мужества сказать об этом баронессе. Но Фея очень возмутилась.

— Монеты и монеты! — проговорила она, вздыхая. — Невежественные люди только и думают, что о деньгах. И как нехорошо, что ты не только думаешь, но и говоришь об этом! Видно, учить тебя хорошим манерам — всё равно что кормить осла сахаром.

Фея вздохнула и уткнулась в свои книги.

— Итак, подведём баланс. Дела в этом году неважные, денег маловато. Ещё бы, все хотят от Феи хороших подарков, а когда речь заходит о том, чтобы платить за них, начинают торговаться. Все стараются брать в долг, обещая уплатить потом, как будто Фея — это какой-то колбасник. Впрочем, сегодня особенно жаловаться нечего: все игрушки, которые были в магазине, разошлись, и сейчас нам нужно будет принести со склада новые.

Она закрыла книгу и принялась распечатывать письма, которые обнаружила в своём почтовом ящике.

— Так и знала! — заговорила она. — Я рискую заболеть воспалением лёгких, разнося свои товары, и никакой благодарности! Этот не хотел деревянную саблю — подавайте ему пистолет! А знает ли он, что пистолет стоит на тысячу лир дороже? Другой, представьте себе, хотел получить аэроплан! Его отец — швейцар курьера секретаря одного служащего лотереи, и было у него на покупку подарка всего триста лир. Что я могла подарить ему за такие гроши?

Фея бросила письма обратно в ящик. Сняла очки и позвала:

— Тереза, отвар готов?

— Готов, готов, синьора баронесса.

И старая служанка подала баронессе дымящийся бокал.

— Ты влила сюда капельку рома?

— Целых две ложечки!

— Мне хватило бы и одной... Теперь я понимаю, почему бутыль почти опустела. Подумать только, мы купили её всего четыре года тому назад!

Потягивая маленькими глотками кипящий напиток и умудряясь не обжигаться при этом, как это умеют делать только старые синьоры, Фея бродила по своему маленькому царству, заботливо проверяя каждый уголок кухни, магазина и маленькой деревянной лесенки, которая вела на второй этаж, где была спальня.

Как печально выглядел магазин с опущенными шторами, пустыми витринами и шкапами, заваленными коробками без игрушек и ворохами обёрточной бумаги!

— Приготовь ключи от склада и свечу, — сказала Фея, — нужно принести новые игрушки.

— Но, синьора баронесса, вы хотите работать даже сегодня, в день вашего праздника? Неужели вы думаете, что кто-нибудь придёт сегодня за покупками? Ведь новогодняя ночь, ночь Феи, уже прошла...

— Да, но до следующей новогодней ночи осталось всего-навсего триста шестьдесят пять дней.

Надо вам сказать, что магазин Феи оставался открытым в течение всего года и его витрины были всегда освещены.

Таким образом, у детей было достаточно времени, чтобы облюбовать ту или иную игрушку, а родители успевали сделать свои расчёты, чтобы иметь возможность заказать её.

Кроме того, ведь есть ещё дни рождения, и все знают, что дети считают эти дни очень подходящими для получения подарков.

Теперь вы поняли, что делает Фея с первого января до следующего Нового года? Она сидит за витриной и смотрит на прохожих. Особенно внимательно вгляды-

вается она в лица детей. Она сразу понимает, нравится или не нравится им новая игрушка, и, если не нравится, снимает её с витрины и заменяет другой.

О, синьоры, что-то теперь на меня напало сомнение! Так было, когда я был ещё маленьким. Кто знает, есть ли теперь у Феи этот магазинчик с витриной, уставленной игрушечными поездами, куклами, тряпичными собачками, ружьями, пистолетами, фигурками индейцев и марионеток?

Я помню его, этот магазинчик Феи. Сколько часов я проводил у этой витрины, считая игрушки! Чтобы пересчитать их, требовалось много времени, и я никогда не успевал досчитать до конца, потому что нужно было отнести домой купленное молоко.

ВИТРИНА НАПОЛНЯЕТСЯ

Склад был в подвале, который находился как раз под магазином. Фее и её служанке пришлось раз двадцать спуститься и подняться по лестнице, чтобы наполнить новыми игрушками шкафы и витрины.

Уже во время третьего рейса Тереза устала.

— Синьора, — сказала она, останавливаясь посреди лестницы с большой связкой кукол в руках, — синьора баронесса, у меня бьётся сердце.

— Это хорошо, моя дорогая, это очень хорошо, — ответила Фея, — было бы хуже, если бы оно больше не билось.

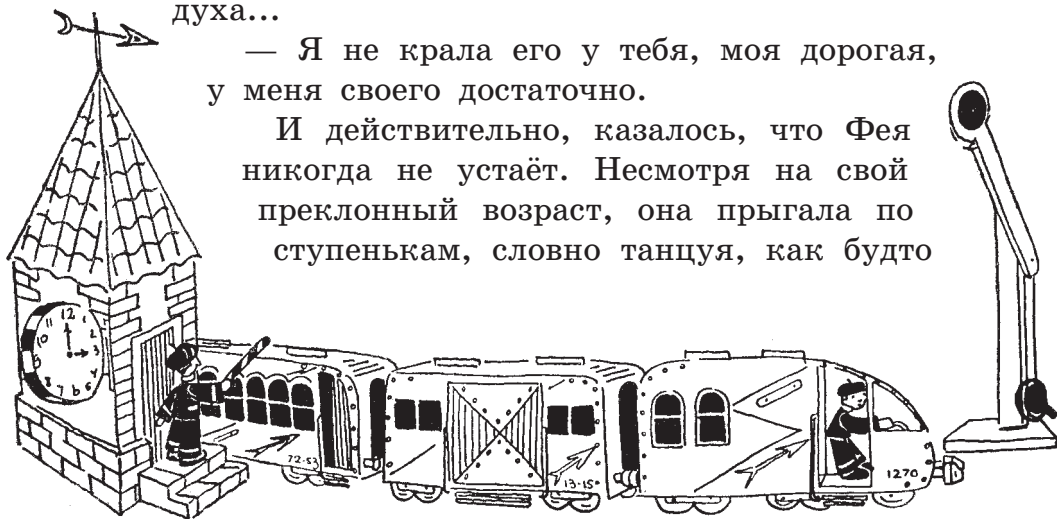
— У меня болят ноги, синьора баронесса.

— Оставь их на кухне, пусть отдохнут, тем более что ногами ничего носить нельзя.

— Синьора баронесса, мне не хватает воздуха...

— Я не краля его у тебя, моя дорогая, у меня своего достаточно.

И действительно, казалось, что Фея никогда не устаёт. Несмотря на свой преклонный возраст, она прыгала по ступенькам, словно танцуя, как будто

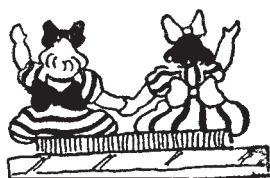
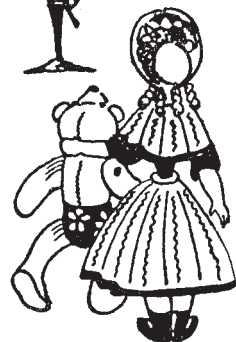
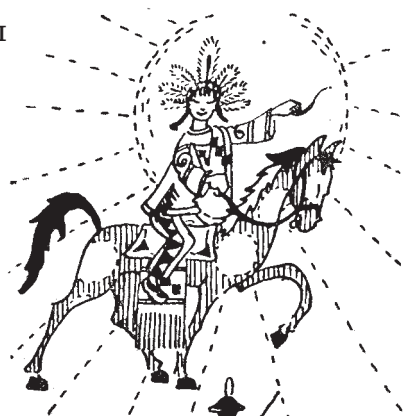
под каблуками у неё были спрятаны пружинки. Одновременно она продолжала подсчитывать.

— Эти индейцы приносят мне доход по двести лир каждый. Даже, пожалуй, по триста лир. Сейчас индейцы очень в моде. Не кажется ли тебе, что этот электрический поезд просто чудо?! Я назову его Голубой Стрелой и, клянусь, брошу торговлю, если с завтрашнего дня сотни ребячьих глаз не будут пожирать его с утра до вечера.

И правда, это был замечательный поезд: с двумя шлагбаумами, с вокзалом и Главным Начальником Станции, с Машинистом и Начальником Поезда в очках. Пролежав столько месяцев на складе, электропоезд весь покрылся пылью, но Фея хорошенько протёрла его тряпкой, и голубая краска засверкала, как вода альпийского озера: весь поезд, включая Начальника Станции, Начальника Поезда и Машиниста, был покрашен голубой краской.

Когда Фея стёрла пыль с глаз Машиниста, он огляделся вокруг и воскликнул:

— Наконец-то я вижу! У меня такое впечатление, будто я несколько

месяцев был похоронен в пещере. Итак, когда мы отправляемся? Я готов.

— Спокойно, спокойно, — прервал его Начальник Поезда, протирая платочком очки. — Поезд не тронется без моего приказа.

— Посчитайте нашивки на вашем берете, — раздался третий голос, — и увидите, кто здесь старший.

Начальник Поезда пересчитал свои нашивки. У него было четыре. Тогда он сосчитал нашивки у Начальника Станции — пять. Начальник Поезда вздохнул, спрятал очки и притих. Начальник Станции ходил взад-вперёд по витрине, размахивая жезлом, которым дают сигнал отправления. На площади перед станцией выстроился полк оловянных стрелков с духовым оркестром и Полковником. Немножко в стороне расположилась целая артиллерийская батарея во главе с Генералом.

Позади станции расстилалась зелёная равнина и были разбросаны холмы. На равнине вокруг вождя, которого звали Серебряное Перо, раскинули лагерь индейцы. На вершине горы верховые ковбои держали наготове свои лассо.

Над крышей вокзала покачивался подвешенный к потолку аэроплан: Пилот высунулся из кабины и смотрел вниз. Надо вам сказать, что этот Пилот был сделан так, что он не мог подняться на ноги: ног у него не было. Это был Сидящий Пилот.

Рядом с аэропланом висела красная клетка с Канарейкой, которую звали Жёлтая Канарейка. Когда клетку слегка покачивали, Канарейка пела.

В витрине были ещё куклы, Жёлтый Медвежонок, тряпичный пёс по имени Кнопка, краски, «Конструктор», маленький театр с тремя Марионетками и быстрый двухмачтовый парусник. По капитанскому мостику парусника нервно расхаживал Капитан. Ему по

рассеянности приклеили только половину бороды, поэтому он тщательно скрывал безбородую половину лица, чтобы не выглядеть уродом.

Начальник Станции и Полубородый Капитан делали вид, что не замечают друг друга, но, может быть, кто-нибудь из них уже собирался вызвать другого на дуэль, чтобы решить вопрос о верховном командовании в витрине.

Куклы разделились на две группы: одни вздыхали по Начальнику Станции, другие бросали нежные взгляды на Полубородого Капитана, и лишь одна чёрная кукла с глазами белее молока глядела только на Сидящего Пилота и больше ни на кого.

Что касается тряпичного пса, то он бы с удовольствием вилял хвостом и прыгал от радости. Но он не мог оказывать эти знаки внимания всем троим, а выбрать кого-нибудь не хотел, чтобы не оскорблять двух остальных. Поэтому он сидел тихо и неподвижно, и вид у него был немного глуповатый. Его имя было написано красными буквами на ошейнике: «Кнопка». Может быть, его называли так потому, что он был маленьким, как кнопка.

Но тут произошло событие, которое сразу же заставило забыть и ревность, и соперничество. Как раз в это мгновение Фея подняла штору — и солнце хлынуло в витрину золотым каскадом, вызывая у всех жуткий страх, потому что никто его раньше не видел.

— Сто тысяч глухих китов! — рявкнул Полубородый Капитан. — Что случилось?

— На помощь! На помощь! — завизжали куклы, прячась друг за друга.

Генерал приказал немедленно повернуть пушки в сторону неприятеля, чтобы быть готовым отразить любую атаку. Только Серебряное Перо остался невозмутимым.

Он вынул изо рта длинную трубку, что делал только в исключительных случаях, и сказал:

— Не бойтесь, игрушки. Это Великий Дух — Солнце, всеобщий друг. Смотрите, как повеселела вся площадь, радуясь его приходу.

Все посмотрели на витрину. Площадь и в самом деле сверкала под лучами солнца. Струи фонтанов казались огненными. Нежное тепло проникало сквозь запылённые стёкла в магазинчик Феи.

— Тысячи пьяных китов! — пробормотал снова Капитан. — Я ведь морской волк, а не солнечный!

Куклы, радостно болтая, сразу же стали принимать солнечные ванны. Однако в один угол витрины солнечные лучи не могли проникнуть. Тень падала как раз на Машиниста, и тот очень рассердился:

— Должно же было так случиться, чтобы именно я оказался в тени!

Он выглянул за витрину, и его зоркие глаза, привыкшие часами смотреть на рельсы во время долгих поездок, встретились с парой огромных, широко раскрытых глаз ребёнка.

В эти глаза можно было заглянуть, как заглядывают в дом, когда на окнах нет занавесок. И, заглянув в них, Машинист увидел большую недетскую печаль.

«Странно, — подумал Машинист Голубой Стрелы. — Я всегда слышал, что дети — весёлый народ. Они только и знают, что смеются и играют с утра до вечера. А этот мне кажется грустным, как старичок. Что с ним случилось?»

Грустный мальчик долго смотрел на витрину. Его глаза наполнились слезами. Время от времени слезинки скатывались вниз по щеке и пропадали на губах. Все в витрине затаили дыхание: никто ещё не видел глаз, из которых текла бы вода, и это всех очень удивило.

— Тысяча хромых китов! — воскликнул Капитан. — Я занесу это событие в судовой журнал!

Наконец мальчик вытер глаза рукавом курточки, подошёл к двери магазина, взялся за ручку и толкнул дверь. Раздался глухой звонок колокольчика, который, казалось, жаловался, звал на помощь.

ПОЛУБОРОДЫЙ КАПИТАН ВЗВОЛНОВАН

— Синьора баронесса, кто-то вошёл в магазин, — сообщила служанка.

Фея, которая причёсывалась в своей комнате, быстро спустилась по лесенке, держа во рту шпильки и закалывая на ходу волосы.

— Кто бы это ни был, почему он не закрывает дверь? — пробормотала она. — Я не слышала звонка, но сразу же почувствовала сквозняк.

Она для солидности надела очки и вошла в лавку маленькими медленными шагами, как должна ходить настоящая синьора, особенно если она почти баронесса. Но, увидав перед собой бедно одетого мальчика, который комкал в руках свой голубой беретик, она поняла, что церемонии излишни.

— Ну? В чём дело? — Всем своим видом Фея как бы хотела сказать: «Говори побыстрее, у меня нет времени».

— Я... Синьора... — прошептал мальчик.

В витрине все замерли, но ничего не было слышно.

— Что он сказал? — шепнул Начальник Поезда.

— Тс-с! — приказал Начальник Станции. — Не шумите!

— Мальчик мой! — воскликнула Фея, которая чувствовала, что начинает терять терпение, как всякий раз, когда ей приходилось говорить с людьми, не подготавливающими о её благородных титулах. — Дорогой мой мальчик, времени у меня очень мало. Поторопись или

же оставь меня в покое, а лучше всего напиши мне хорошее письмо.

— Но, синьора, я уже написал вам, — торопливо прошептал мальчик, боясь потерять мужество.

— Ах вот как! Когда?

— Около месяца тому назад.

— Сейчас посмотрим. Как тебя зовут?

— Монти Франческо.

— Адрес?

— Квардиччиоло...

— Гм... Монти, Монти... Вот, Франческо Монти. Действительно, двадцать три дня тому назад ты просил у меня в подарок электрический поезд. А почему только поезд? Ты мог бы попросить у меня аэроплан или дирижабль, а ещё лучше — целый воздушный флот!

— Но мне нравится поезд, синьора Фея.

— Ах, дорогой мой мальчик, тебе нравится поезд?! А ты знаешь, что через два дня после твоего письма сюда приходила твоя мать...

— Да, это я попросил её прийти. Я её так просил: пойди к Фее, я ей уже всё написал, и она так добра, что не откажет нам.

— Я не хорошая и не плохая. Я работаю, но не могу работать бесплатно. У твоей матери не было денег, чтобы заплатить за поезд. Она хотела в обмен на поезд оставить её старые часы. Но я видеть их не могу, эти часы! Потому что они заставляют время двигаться быстрее. Я также напомнила ей, что она ещё должна заплатить мне за лошадку, которую

брала в прошлом году. И за волчок, взятый два года тому назад. Ты знал об этом?

Нет, мальчик этого не знал. Мамы редко делятся с детьми своими неприятностями.

— Вот почему в этом году ты ничего не получил. Ты понял? Не кажется ли тебе, что я права?

— Да, синьора, вы правы, — пробормотал Франческо. — Я просто думал, что вы забыли мой адрес.

— Нет, напротив, я помню его очень хорошо. Видишь, вот он у меня записан. И на днях я пошлю к вам моего секретаря, чтобы взять деньги за прошлогодние игрушки.

Старая служанка, которая прислушивалась к их разговору, услышав, что её называли секретарём, чуть не потеряла сознание и должна была выпить стакан воды, чтобы перевести дух.

— Какая честь для меня, синьора баронесса! — сказала она своей хозяйке, когда мальчик ушёл.

— Хорошо, хорошо! — грубовато пробормотала Фея. — А пока повесь на дверь объявление: «Закрывается до завтра», чтобы не приходили другие надоедливые посетители.

— Может быть, опустить штору?

— Да, пожалуй, опусти. Я вижу, что сегодня не будет хорошей торговли.

Служанка побежала выполнять приказания. Франческо всё ещё стоял у магазина, уткнувшись носом в витрину, и ждал, сам не зная чего. Штора, спускаясь, чуть не ударила его по голове. Франческо уткнул нос в пыльную штору и зарыдал.

В витрине эти рыдания произвели необыкновенный эффект. Одна за другой куклы тоже стали плакать и плакали так сильно, что Капитан не выдержал и выругался: